

Е. С. Саловая¹

СИСТЕМНЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ФАКТОР НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ БУДУЩЕГО

Экономика и право, как и весь окружающий нас мир, стремительно меняются под воздействием развития тех-

¹ Заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект» (в соавт.), «Международные стандарты в сфере труда: институты и механизмы реализации (опыт развитых стран и России)», «Качество жизни населения мира: тенденции, измерение, институты» (в соавт.), «Инновационная экономика: занятость, трудовая мотивация, эффективность труда» (в соавт.), «Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант» (в соавт.), «Регулирование этнополитических отношений в рамках образовательной политики: опыт стран ЕС» (в соавт.),

нологий. Чат-боты общаются с людьми в Интернете, беспилотные автомобили перевозят людей и грузы, цифровые технологии кардинально меняют «содержание» целых отраслей, ученые специальными «ножницами» «редактируют» человека. Мы постепенно привыкаем оперировать новыми модными понятиями, такими как *блокчейн, майнинг криптовалюты, дополненная реальность, машинное обучение, умные электрические сети.*

Цифровые технологии быстро и широко распространяются, становясь в буквальном смысле «крове-»
«Социально-экономические факторы этнополитической конфликтности» и др.

носной системой» грядущего экономического уклада и пронизывая не только экономику, но все другие сферы человеческой жизнедеятельности сверху донизу.

Цифровая экономика оказалась удобным способом взаимодействия экономических субъектов в условиях глобализации и роста размеров мировой экономики. Причем переход на цифровые технологии оказывается практически безальтернативным, прежде всего в силу того, что они позволяют радикально увеличить конкурентные преимущества, что в условиях все большего сокращения спроса и ожесточенной борьбы за рынки сбыта становится особенно актуальным. Более того, те государства, которые проиграют в этой жесткой борьбе, с большой долей вероятности столкнутся на своей территории с кризисом легитимности, вызванным ухудшением экономической и социальной ситуации. Напротив, победа в технологической гонке, по логике, должна обеспечить экономический рост и прорыв в новый технологический уклад. Однако при этом возникает парадоксальная ситуация: социальные взаимоотношения в мире по мере ускорения технологических сдвигов складываются отнюдь не просто. Отчетливая динамика их ухудшения наблюдается и в тех странах, которые лидируют в технологическом развитии.

Особое место среди факторов этого ухудшения принадлежит растущему неравенству, разнообразное проявление которого отражают структурные диспропорции, постепенно накапливающиеся в социально-трудовой и социальной сферах по всему миру. Неслучайно связанная с этим проблематика заняла прочное место в общественном, политическом и научном дискурсах.

Негативные социальные процессы имеют глубокие внутренние основания. Современные технологии, позволившие человечеству в значительной мере преодолеть голод и болезни, увеличить продолжительность и качество жизни, сегодня сами становятся источником экзистенциальных угроз, связанных с неготовностью человечества адекватно и оперативно ответить на новые вызовы.

Цифровизация, ставшая изначально ответом на необходимость оптимизации бизнес-процессов в условиях глобальной экономики, приводит к переформатированию всей архитектуры и инфраструктуры современного рынка. Одновременно она ведет к трансформации социальной и социально-трудовой сферы, а затем и всего спектра общественных отношений.

Развитие платформенных технологий, обусловленное необходимостью автоматизации бизнес-взаимодействия, позволяет экономить на издержках, кардинально уменьшая себестоимость товаров и услуг. Собственно, в этом и есть суть рыночных отношений — в механизме конкуренции, «присуждающей» победу тому, кто смог предложить более дешевый массовый продукт.

Побочным эффектом такой конкуренции оказывается сокращение спроса на труд. Неслучайно специалисты связывают широкое распространение цифровых технологий в развитых странах с необходимостью конкурировать с «аутсорсингом производства в развивающиеся страны»¹. Новый способ организации промыш-

ленности и сферы услуг позволяет снизить издержки по всем направлениям (масштаб, логистика, сырье и материалы), но в первую очередь — издержки на рабочую силу. Экономия идет сразу по двум направлениям. С одной стороны, спрос на труд падает в силу того, что автоматизируются целые виды деятельности, с другой — оставшиеся занятые вынуждены соглашаться на значительное ухудшение условий найма. Именно в этом и заключается один из феноменов роста производительности труда, повышающего конкурентоспособность производств и целых стран. Появился даже термин «уберизация занятости», образованный от названия компании-платформы *Uber*, оказывающей транспортные услуги населению и характеризующий достаточно сложный процесс — от перевода трудовых отношений в гражданско-правовой статус до все более широкого распространения частичной, «прекаризированной» занятости, сегментации постиндустриального рынка труда.

Масштаб сокращения спроса на труд нелегко определить. Пока возможны лишь экспертные оценки и интуитивное понимание происходящих процессов, хотя такие оценки и делаются уважаемыми международными организациями². Очевидно лишь, что стремительная цифровизация как минимум преобразует характер труда в целых отраслях экономики, подразумевая необходимость переобучения и переподготовки значительного числа занятых — огромного по сравнению с предыдущими периодами структурных преобразований. Как максимум все более явной становится угроза обезлюдения экономики. Конечно же, такая ситуация (сокращение спроса на труд в условиях коренных технологических трансформаций) не нова. Главное, о чем следует помнить, — это то, что следствием таких трансформаций всегда было серьезное ухудшение социальной ситуации, сопутствующее переходу цивилизации на новый технологический уклад. Можно вспомнить Англию XVII века или Россию конца XIX — начала XX века.

Однако нынешняя ситуация имеет принципиальное отличие от предыдущих: резервы для расширения рынков сбыта во многом исчерпаны. Таких возможностей, какие были в эпоху промышленной революции, сегодня уже нет, и широкое распространение современных технологий всерьез угрожает всей системе общественных отношений. По-видимому, человечеству придется искать новые решения, выходящие за рамки привычного жизненного уклада.

Очевидно, что цифровая экономика является антиподом, противостоит рыночной экономике, оставляя мало места конкуренции и «свободной руке» рынка. Соответственно и остальные атрибуты современного мироустройства — демократия, социальная политика — претерпят трансформации. Да и само существование национального государства в условиях господства уже даже не транснациональных, а глобальных сетевых субъектов оказывается под вопросом.

takoe-chetvertaya-promyshlennaya-revolyuciya.html (дата обращения: 03.02.2018).

² См., например, «Россия 2025. От кадров к талантам»: докл. BCG. URL: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf (дата обращения: 02.04.2017).

¹ Индустрия 4.0: что такое четвертая промышленная революция. URL: <https://hi-news.ru/business-analytics/industriya-4-0-cto>

Парадоксальным образом в результате происходящих трансформаций и усилившихся столкновений появилась возможность реализации мечты мондиалистов об исчезновении национальных государств, названных А. Печчеи более полувека назад «нелепым предрассудком», мешающим человеческому прогрессу¹. Однако формирующаяся новая социальная реальность оказывается иной, нежели это представлялось создателям Римского клуба. Вышедший в 2017 году его юбилейный доклад с «говорящим» названием «*Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты*» полон тревоги за будущее человечества и рисует целый спектр связанных с развитием техники и технологий угроз и вызовов². Вопрос о будущем остается открытым.

Складывающаяся на наших глазах качественно иная техносфера, не осмысленная до конца даже в философском плане, требует не только кардинальной смены парадигмы научного познания, но и нетривиальных организационных, юридических и политических решений. Тем не менее, стоит, наверное, остановиться и задуматься, чтобы понять, что же все-таки с нами происходит. Говоря словами российского философа Бориса Межуева, «после эпохи “великих идеологий” наступает эра “молчаливых революций”»³. Хорошо бы понять, каково же истинное содержание происходящих глубинных, коренных изменений, иначе не успеем мы оглянуться, как окажемся в неведомом новом мире, который не готовы будем принять.

¹ Печчеи А. Человеческие качества / пер. с англ. О. В. Захаровой. М. : Прогресс, 1980. С. 263–264.

² Доклад Римского клуба-2018. URL: http://ecoparlament.ru/d/828816/d/dokdad_rimskogo_kluba-2018.pdf (дата обращения: 26.01.2018).

³ Межуев Б. Демократия против Европы. URL: <https://mezhu-ev.su/articles/11-analitika-i-prognozy/56978-demokratija-protiv-evgory> (дата обращения: 07.12.2017).